

Глава 1

Влад напоминал мне героя Стивенсона капитана Смоллета. Он говорил громко, неразборчиво, брызгал слюной и делал массу ненужных движений, отчего в комнате Анны воздух колыхался, словно вода в переполненном бассейне, где резвилась возбужденная касатка.

— Сколько раз поджигали твою гостиницу? — спрашивал он и, не давая мне ответить, продолжал: — Сколько раз перекапывали твой огород, пытаясь найти золото? Мало у тебя было неприятностей? Ты ждешь, когда тебя тюкнут по голове лопатой?

Был конец московской зимы. Под окнами тоскливо скрипели трамваи и распускали веер брызг грязные машины. Анна куталась в плед. У меня от свитера чесалась шея. В серых сумерках мы выглядели бледными и бесплотными существами. Только лицо Влада, смуглое от тропического загара, излучало жизнь и энергетику колумбийского тростникового рома.

— Что ты молчишь? — спросил он, повернувшись к Анне, и плеснул из плоской бутылки себе в стакан.

— Тебя слушаю, — ответила Анна. Она забралась в кресло с ногами и неподвижно сидела весь вечер, отчего казалась безучастной и равнодушной.

Я скептически косился на стол, на котором, словно скатерть, была расстелена карта из рекламного буклета земле-торгующей фирмы «Эквадор-терра». На голубом фоне было изображено нечто зелено-коричневое, напоминающее краба или кляксу.

— Вот! — сказал Влад, тыча толстым пальцем в «кляксу». — Вот единственное, куда можно без всякого риска вкладывать деньги. Дома, машины, драгоценности могут быть украдены или разрушены. Валюта или акции — вооб-

ще бумага, имеющая очень относительную ценность. А это — вечно. Ни пожары, ни штормы, ни наводнения ему не страшны... Чего ты усмехаешься?

— Тебе показалось, — ответил я. — Просто я вспомнил, как одна японская фирма продала американцам землю на острове Каролинского архипелага. Американцы загрузили на корабль мешки с семенами тропических культур и поплыли на свой остров. А его тем временем размыло морем.

— Это безумие! — Впервые за весь вечер Анна сказала что-то определенное.

Она всего лишь субъективно оценила идею Влада, но он почувствовал, что теряет в ней своего компаньона. А это было равносильно краху всей затеи.

— У вас неправильно шурупят мозги! — начал он заводиться, обращаясь одновременно ко мне и Анне, хотя я еще не высказывал своего мнения. — Пожалейте себя! Подумайте о будущем! Я предлагаю вам хороший кусок теста размером в пятьдесят квадратных километров, из которого мы сможем вылепить все, что захотим! Тропическая растительность! Пресная вода! Животные, птицы, полезные ископаемые! И все это будет наше!

— Сколько это будет стоить? — спросила Анна, закуривая.

— Пятьсот тысяч я должен заплатить завтра официальному дилеру после подписания предварительного соглашения, — ответил Влад. — И еще пятьсот — в земельном департаменте Кито после утверждения договора о собственности.

— Миллион долларов! — подвела черту Анна. — Пустячок!

Я смотрел на улицу. Над тротуаром плыли черные зонтики, похожие на молекулы. Машины швыряли воду из канав в прохожих. Шел мокрый снег вперемешку с дождем. Грязная псина с узкой талией, похожей на книгу, поставленную на торец, ловила мохнатой мордой снежинки и приставала к старушкам, выходящим из колбасного магазина. Какой-то «Москвич», слепленный из песка, ржавчины и талого снега, застрял посреди проезжей части. Машины объезжали его и матерились протяжными гудками.

— Всего миллион! — взмахнул руками Влад. — Да ты

знаешь, сколько стоит земля на подобных островах? Двадцать, тридцать, пятьдесят миллионов! Не хочешь?!

— А почему этот такой дешевый? — спросил я, по-прежнему сидя на подоконнике и глядя в окно.

Для того, кто убеждает, всякая пауза смерти подобна. Влад не знал, что ответить. Анна поняла, что я попал в цель, и послала туда же второй снаряд:

— В самом деле, Влад! Ты не боишься, что тебе подсунут котла в мешке? Если там есть все, как ты говоришь, — и тропический лес, и чистые реки, и птицы, то почему этот остров стоит так дешево?

— Потому что он далеко от берега, — сказал Влад первое, что пришло ему на ум, и уточнил: — Тысяча триста километров.

Мы молчали. Влад, недовольный нашей несговорчивостью, ходил вокруг стола и беспрестанно лакал ром. Он даже не догадывался, что я давно был на его стороне. Золотые гонуэзские монеты пятнадцатого века из клада графини Аргуэльо принесли мне больше неприятностей, чем пользы. Я рисковал не только свободой, но и жизнью, продавая их «черным» антикварам за валюту, которую потом при помощи всяких ухищрений «отмывал», прокручивал, переводил на счета и снова снимал. Сокровища графини преследовали меня в ночных кошмарах почти полгода, и я уже был готов вложить все свои четыреста тысяч во что угодно, лишь бы вновь обрести спокойную жизнь.

Анне тоже пришлось не сладко. Насколько мне было известно, она открыла в Москве несколько магазинов по продаже итальянской одежды, которая в самой Италии вышла из моды лет двадцать назад, и развесила на одежде совершенно безумные ценники. Баксы, которые Анна получала от продажи антикварного золота, она пыталась легализовать под видом выручки и стала вкладывать их в строительство коттеджей. Но несколько месяцев спустя у нее начались жуткие проблемы с налоговой инспекцией. Я не знаю, как она выкрутилась, но чувствовал, что моя неудавшаяся коммерсантка спит и видит, как все ее злосчастное золото птичьей стайкой улетает далеко-далеко, в маленькую тихую страну, где никто не станет допытываться, откуда и зачем оно прилетело.

Словом, мы с Анной были «за», но не торопили события, давая возможность нашему ученому Кинг-Конгу выложить все свои аргументы. Его всегда надо было держать в легкой узде, иначе бредовые идеи этого неизлечимого авантюриста попросту захлестнули бы нас с головой.

Анна встала, скинула плед с плеч и подошла к столу. Влад, заметив, как скользнул по карте ее взгляд, стал яростно доказывать девушке свою правоту.

— Здесь, в этой бухте, — он ткнул пальцем в «кляксу», — мы построим причал. На этой живописной горе возведем пятизвездочный отель с аквапарком... Отсюда через джунгли мы проведем автомагистраль, навесим канатную дорогу...

Анна, выпуская изо рта колючки дыма от тонкой сигареты, следила за фиорерским перстом Влада.

— А на какие деньги ты все это построишь? — спросила она.

— Мы создадим акционерное общество! — не моргнув глазом ответил Влад. — Привлечем инвесторов из России. Мы построим курорт мирового уровня для «новых русских». На нашем острове они будут чувствовать себя как дома — с холодной «Столичной» и березовыми вениками в бане.

— Это безумие, — повторила Анна, но даже Влад понял, что она уже согласилась.

Окно от моего дыхания запотело. Я провел по нему ладонью. На улице раздался скрежет тормозов.

— У тебя есть кости? — спросил я Анну.

— Какие кости? — не поняла она.

Влад, оторвавшись от карты, шумно засопел. Он решил, что я издеваюсь над его затеей.

— Из супа, — пояснил я. — Надо пса покормить. Ничего он у этого магазина не дождется.

Глава 2

Влад свернул с Садового на Старую Басманную, и, когда до посольства Эквадора остался какой-то километр, Анна вдруг сказала:

— Может быть, откажемся от этой затеи, пока не поздно? У меня нехорошее предчувствие...

Влад промолчал, давая понять, что об этом не может быть даже речи. Я погладил Анну по щеке и заверил, что дурные мысли всегда сопутствуют новому и интересному делу.

Мы свернули в Гороховский переулок и остановились. Придерживая мохнатые полы песцовой шубы, Анна первой вышла из машины. Я смотрел, как она протыкает тонкими каблучками грязный лед и перешагивает через потемневший сугроб, похожий на бруствер окопа.

Влад барабанил пальцами по рулю. Потом включил омыватель стекол. С натужным воем в стекло брызнули тугие пенящиеся струи. Я выключил отопление салона. Влад заглушил двигатель.

— Ну, давай! — поторопил я его. — Я же знаю, о чем ты хочешь меня спросить.

Влад повернул ко мне свое холеное лицо. Он здорово поправился за эту зиму. Глаза заплыли, лицо раздалось в ширину, отчего Влад стал похож на хорошо откормленную рысь.

— Может быть, — медленно произнес он, — мы с тобой поднатужимся и кушим остров сами?

— Об этом надо было говорить при Анне.

— Но ты же видишь... — он кивнул на окно. Анна вышла на тротуар и остановилась перед дверьми посольства, ожидая нас.

— Так реши этот вопрос с ней, а потом уже мы будем тужиться.

— Нет, давай сначала прикинем бабки.

— У меня четыреста.

Влад кивнул и взялся за дверную ручку.

— Ничего не получится, — ответил он, выходя из машины. — Не хватает.

— Много?

— Много, — неопределенно ответил Влад.

Мы подошли к зданию посольства. Очереди не было. У входа стоял один милиционер. Влад буркнул что-то насчет «инверии». Так в Южной Америке называют летние месяцы, сезон дождей, когда количество туристов резко снижа-

ется. Влад словно оправдывался передо мной за то, что у входа было пусто.

— Как зовут дилера? — спросил я, сгребая с асфальта мокрый снег и прессуя его в ладонях.

— Андрес Гильермо, — ответил Влад.

Он волновался и, сжимая ручку «дипломата» обеими руками, нервно приплясывал, шлепая подошвами ботинок. Я чувствовал себя так, словно нам предстояла серьезная закупка на оптовом продовольственном рынке, где подсеунуть могли все, что угодно. Анна спокойно стояла несколько поодаль, как будто не имела к нам никакого отношения, и читала толстый женский журнал. Милиционер не моргая смотрел на нас сквозь стекло своей будки. Хромой голубь сел на крышу автомобиля Влада и нагадил на стекло.

— Там круглый год лето, — сказал Влад.

Он думал об острове, а я — о помете. Влад был оптимистом, а я — реалистом.

Господин Гильермо появился в дверях посольства, когда у меня стали подмерзать пятки, а Влад уже скакал, как архар в сезон брачных боев. Дилер был зрелого возраста, невысок. Его смоляные волосы были зачесаны назад и щедро прихвачены лаком. Крупный нос поддерживал непроницаемо-черные очки. Одет он был в строгий черный костюм, самой заметной деталью которого был золотой колпачок от ручки «Паркер», торчащей в нагрудном кармане.

Ничего не говоря, Гильермо кивнул и провел нас внутрь здания. В фойе, не дойдя до парадной лестницы, он открыл торцевую дверь, на которой висела тяжелая металлическая табличка «ECUADOR-TERRA».

Мы оказались в узкой и длинной, как пенал, комнате, большую часть которой занимали пальма в деревянном ящике и кожаный диван. Где-то под потолком чирикали птицы. В воздухе стоял древесный запах сигар. Дилер показал нам на диван, сам же сел за стол. Из-за ствола пальмы я видел только его левую руку.

— Это мои компаньоны — Кирилл и Анна, — представил нас Влад.

Я поклонился пальмовому стволу. Анна не проявила ин-

тереса к дилеру. Она стоя рассматривала фотографии на стенах.

— Ваше решение купить землю на острове Комайю достаточно серьезно? — спросил дилер на сносном русском.

Я шарил глазами по стеллажам, заваленным папками, стопками бумаг и книгами. На противоположной стене висела пластиковая рельефная карта Эквадора. Его коричневая с зелеными прожилками поверхность была морщинистой, словно соседствующие с двух сторон Колумбия и Перу сдавили страну так, что она пошла волнами. Посреди коричневых волн выпирала белоснежная вершина Чимборасо.

Гильермо закурил сигару и протянул нам золоченую коробку. Влад начал что-то изображать с сигарой, покусывая ее кончик, словно авторучку на экзамене. Дилер снял со стеллажа толстый скоросшиватель и положил его на стол перед собой.

— Это все, что касается Комайю, — сказал он, перелистывая схемы, листы с текстом и черно-белые ксероксы фотографий. — Общая площадь пятьдесят четыре и три десятых квадратных километра. Отдаленность от материка — одна тысяча триста тридцать семь километров, от Галапагосских островов — восемьсот одиннадцать километров... В общем, ознакомьтесь сами, почитайте, я вас торопить не буду.

Влад принял скоросшиватель и толкнул меня локтем в бок. Анна села рядом с Владом. Мы занялись изучением документов. Гильермо встал из-за стола и, пуская клубы дыма, стал ходить мимо нас, поглядывая на птичек. Я думал, что он сейчас начнет расхваливать остров, но дилер молчал. Влад слишком усердно вчитывался в географические, природные и прочие характеристики острова. На абзаце, в котором говорилось про ку-май, монг-нгья и гуайяву, он застрял минут на пять. Я заметил, что Анна вытащила из папки несколько синих листочков, мельком просмотрела их и задумалась.

— Вам что-нибудь непонятно? — спросил Гильермо Анну.

— Почему его так часто перепродавали?

Дилер пожал плечами.

— На то есть коммерческая тайна, — ответил он. — Каждый хозяин имел свой интерес.

— А когда его впервые выставили на продажу?

— Три года назад. Копия решения правительства тоже есть в этой папке.

— Что там? — отвлекся Влад и, не вникнув в суть разговора, выхватил листок из рук Анны. — М-м-м... Джеймс Леблан. Кто это такой?

— Первый владелец земли на Комайо, — пояснил Гильермо.

— А Генри Леблан?

— Это его сын. Остров перешел к нему в наследство после гибели Джеймса.

— Да? А что с ним случилось?

— Я точно не знаю, — ответил Гильермо, выдувая дым на стол. — Кажется, авткатастрофа.

— А Жоржет Дайк? — Влад дотошно интересовался каждой фамилией.

— Это сестра Генри Леблана. Она унаследовала остров после того, как Генри пропал без вести, путешествуя на своей шхуне вдоль берегов Колумбии.

Влад поднял на меня глаза. Они выражали не столько удивление, сколько недовольство.

— Это что ж такое? — спросил он таким тоном, словно дилер был виноват в исчезновении Генри и гибели Джеймса. — Выходит, у острова дурная репутация?

Дилер, попыхивая сигарой, усмехнулся.

— Я не думаю, что вы, господин Уваров, суеверный человек. Это всего лишь неприятное совпадение.

— А сестра... как ее? Жоржет Дайк! С ней что случилось? Почему остров снова перешел в собственность земельного департамента?

— С Жоржет Дайк ничего не случилось, — заверил Гильермо. — Она отказалась от наследства в пользу государства, вышла замуж и сменила фамилию. О ней мне больше ничего не известно.

— Надо же, какая щедрая! А почему правительство снова выставило остров на продажу?

Дилер неторопливо стряхивал пепел с сигары в тяжелую пепельницу из черного камня.

— Правительству выгоднее получить деньги и построить, скажем, больницу, чем содержать необитаемый остров.

— Что значит — содержать?

— Это значит, — объяснил дилер, — что на острове Комайю, как на любой части территории Эквадора, должны быть соблюдены национальные интересы и поддерживаться конституционный порядок.

— А если остров переходит в чью-либо собственность...

— Если земля острова переходит в чью-либо собственность, — поправил дилер, — то обязанности по обеспечению конституционного порядка возлагаются уже на собственника.

— Что вы говорите! — произнес Влад и посмотрел на меня с умным видом. — Вот оно как!

Мне показалось, что его желание купить остров несколько притушилось. Не все было так просто, как казалось на первый взгляд. Машину купишь — и то заработаешь головную боль, пока поставишь ее на учет. А здесь речь идет о географическом объекте, части территории чужого государства.

Но Влад неожиданно для меня подтвердил свою готовность идти к намеченной цели с упорством быка, бодающего тореадора:

— Значит, будем изучать законы Эквадора. Да, Кирилл?

Я сделал какой-то неопределенный жест.

— Так! — удовлетворенно произнес Влад и снова опустил голову. — Кто у нас тут еще остался из бывших хозяев? Гонсалес де У. Очень интересная фамилия!.. Что это еще за «де У»?

— Как ты сказал? — вдруг проявила интерес Анна. — Гонсалес де У?

Она взяла список из рук Влада. Мне показалось, что ее зрачки расширились, когда она прочитала имена владельцев. Влад нервно выдернул лист из ее пальцев и недовольным тоном произнес:

— Два месяца? Он владел островом всего два месяца? Почему так мало?

Он поднял голову, ожидая от дилера разъяснений. Гильермо вздохнул, постоял у окна. Он, должно быть, считал, что прежние владельцы не имеют отношения к нынешней сделке, и в его обязанности не входит разъяснять историю каждого из них.

— Этот гражданин Перу был лишен права собственности на землю Комайо конституционным судом, — сказал дилер.

— Почему? — Влад добивал его своей дотошностью.

— Потому что Гонсалес препятствовал высадке на остров правительственных войск.

Влад поморщился. Я был уже почти уверен, что мой друг сдался и окончательно разочаровался в своей бредовой идее.

— А что, — спросил он, — правительственные войска часто там высаживаются?

Гильермо от души рассмеялся и загасил сигару о дно пепельницы так, словно вбил в нее клин.

— Нет, войска вообще не сунулись бы туда, если бы полиция не заподозрила Гонсалеса в содействии контрабандистам.

— Ах, вот оно что! — кивнул Влад и снова покосился на меня. Я скривил лицо так, будто съел лимон, сдобренный ядреной горчицей. Влад толкнул меня локтем, принуждая к умственной работе, и дал мне несколько листков с текстом.

Анна вдруг встала. Гильермо взглянул на девушку с готовностью взять на себя ее проблемы, но Анна даже не взглянула на него.

— Который час? — спросила она у меня.

— Без четверти двенадцать.

— Мне пора.

— Куда? — не отрывая глаз от документов, спросил Влад. — Посиди, мы недолго.

Анна увилинула от моего недоуменного взгляда и решительно открыла дверь.

— Увидимся вечером у меня, — сказала она и вышла.

— Несерьезно, — пробормотал Влад, перелистывая оче-

редную страницу списка бывших владельцев. — Я говорил, что надо без нее...

Переводчика, который русифицировал документацию на землю, надо было бы хлопнуть пыльным мешком по голове. Слово «продажа» было обозначено как «ПРОДАЖА», а «аукцион» как «АУКЦИЕН». Я нещадно ломал глаза, читая невеселую историю острова.

На столе дилера зазвонил телефон. Гильермо поднял трубку и тихо, чтобы не мешать нам, представился:

— «Эквадор-терра»... Да, слушаю!.. Сейчас я занят, оставьте свои координаты...

Из-под пальмового листа, похожого на пятерню пианиста, он смотрел на нас.

— Секунду, возьму ручку... Так...

Гильермо отрывисто записывал на листке цифры. Листок убежал из-под пера, и дилер разрывался между ним, ручкой и телефонной трубкой. Мне показалось, что он записывает домашний телефон Анны, но я никак не мог рассмотреть последние три цифры.

— Еще раз, пожалуйста... Виллие? Два «л», я понял... Спасибо, до встречи!

Он опустил трубку и взглянул на меня, потому как Влад не мог оторваться от захватывающего чтива и поднять глаза.

— У вас появился конкурент.

Влад вскинул голову и нахмурился.

— Никаких конкурентов! — безапелляционно заявил он. — Я беру остров без всяких разговоров.

Он сказал так, словно речь шла о покупке телевизора или холодильника. Странно, что он вообще не добавил: «Заверните-ка мне его».

— Я надеюсь, что будет так, — согласился Гильермо, но листок с телефоном и фамилией конкурента аккуратно сложил вдвое и сунул в карман. — Вы готовы заплатить аванс?

— Это надо сделать немедленно? — спросил Влад.

— В ваших интересах это сделать немедленно, — уточнил дилер. — Теперь вы не единственный покупатель.

Я незаметно стукнул Влада по почкам. Он не отреагировал и опять начал задавать ненужные вопросы:

— Вы предпочитаете доллары или рубли? Наличный или безналичный расчет?

Можно подумать, Влад намеревался расплачиваться рублями! Я крепко взял его под локоть и рывком поднял на ноги.

— Господин Гильермо, — сказал я. — Мы хотим подумать пару дней.

Дилер пожал плечами, мол, воля ваша. Мне казалось, что все закончится благополучно, но Влад вдруг проявил ослиное упрямство.

— Нет! — сказал он, выдергивая локоть. — Будем заключать предварительное соглашение. Я готов внести аванс!

Большого идиота я еще не встречал на своем веку. Гильермо застыл у ствола пальмы, с недоумением глядя то на меня, то на Влада.

— Простите, я не совсем понял, — произнес он. — Кто из вас все-таки скажет окончательное слово?

— Я!! — хором выкрикнули мы с Владом.

На месте дилера мне стало бы смешно, но у эквадорца, по-видимому, было своеобразное чувство юмора. Он поджал мясистые губы, качнул головой, отчего его покрытая лаком прическа аспидно сверкнула, словно спина дельфина.

— Это не деловой разговор, — произнес он сухо.

Я улучил момент, когда Владу не за что было схватиться, и вместе с ним вывалился в коридор, захлопнув дверь ногой.

— Ты что, надорвался на умственной работе? — громко зашипел я, постучав себя по голове пальцем. — Тебе бабки некуда деть? Так передай их в фонд помощи психически больным.

— Да пожалей себя!! — взревел Влад, норовя пробиться к двери, которую я защищал, как родину. — Не суй копыта в чужое дело! Я без тебя разберусь...

Мы боролись. Паркетный пол трещал под нашими ногами.

— Послушай же меня! — пытался я уладить конфликт мирным путем. — Не сходи с ума! Тебе это надо — контрабанда, полиция, высадка правительственных войск?!

— Ты запомнишь этот день, — бубнил о своем Влад. —

И тебе будет стыдно. Я сделаю из этого острова конфетку. Все беды на земле из-за трусости и нерешительности.

Блаженны верующие! Жалея паркет, я мысленно сплюнул и отошел от двери, сделав глубокий реверанс:

— Прошу, землевладелец! Колонизатор хренов! Отдавай бабки за вечную головную боль!

Я повернулся и быстро пошел к выходу. Дежурный секретарь подтолкнул меня в спину своим взглядом. Скрипнула тяжелая дверь. Я скинул со своих плеч здание посольства вместе с паркетным блеском и полированными дверными ручками и жадно вдохнул сырой холодный воздух.

В Москве что конец ноября, что начало марта — одно и то же. Только в конце зимы воздух не пахнет свежим снегом и морожеными яблоками. Но интересно другое: сейчас в Южной Америке «инверсио», то есть лето. Но в переводе с испанского это слово означает «зима». Все перепутано, все с ног на голову поставлено, все не по-русски. А Влад хочет там купить остров.

Глава 3

— Я вспомнил, — сказал я, когда мы с Владом ехали к Анне.

— Что ты вспомнил?

— Кто такой Гонсалес де У.

— Последний собственник Комайю, который пытался не пустить на остров правительственные войска, — ответил Влад.

— Не только. Гонсалес де Ульоа — это командор ордена Испании, защищавший честь своей дочери, которого в поединке убил небезызвестный Дон Жуан.

— Правда? — удивился Влад. — Это что ж... Это сколько же ему теперь лет?

— Дружище, у тебя что-то с головой, — заботливо заметил я. — Дон Жуан и Гонсалес жили в четырнадцатом веке.

— Да я понимаю, — качнул головой Влад. — Но как он мог стать владельцем острова?

— Он никогда не был владельцем острова, — ответил я, с испугом глядя на Влада. — Послушай, да тебе отдыхать надо! Ты каким местом думаешь?

— Не груби, — попросил Влад. — Не видишь, что я за рулем? Я обязан смотреть на знаки, а не с тобой разговаривать... Так что ты там про Гонсалеса говорил?

— Эта фамилия вымышленная. Хозяин острова, который был замечен в контрабанде, скрыл в документах свое настоящее имя.

— Ну и что? — равнодушно спросил Влад.

— А то, что не нравится мне все это!

— Связался же я с вами! — покачал головой Влад. — Что ты, что Анна!

Я чувствовал себя скверно. Влад говорил со мной так, словно я, подтолкнув его к подписанию договора, теперь давал задний ход. Мой друг заплатил пятьсот тысяч долларов, получив взамен бумажки на двух языках с подписями и печатями. Он сделал лишь половину дела, как самолет, который уже набрал взлетную скорость, и торможение означало неминуемую катастрофу. А я вместо того, чтобы успокоить Влада и убедить в том, что не отказываюсь внести оставшиеся пятьсот тысяч долларов в земельный департамент Эквадора, начал пугать вымышленными фамилиями.

Я опустил руку Владу на плечо.

— Не переживай, — сказал я. — Разберемся.

Владу понравились мои неопределенные заверения. Он стал с нежностью крутить руль, паркуя автомобиль у торговых рядов. Хмурые складки исчезли с его лба. Я без труда возвратил Владу уверенность в себе, в который раз удивляясь странному сочетанию в нем большой физической силы и легкой внушаемости.

Анна в отличие от меня никогда не задумывалась над тем, что хочет и чего не хочет слышать от нее собеседник. В этом смысле она была дипломат никудышный. Когда мы завалились в ее прогретую камином квартиру с четырьмя пакетами, набитыми деликатесами и выпивкой, она без всяких вступлений спросила:

— Где предварительное соглашение?

Пока мы с Владом толкались в прихожей, стаскивая с

себя дублинки, Анна бесшумно ходила по ламинированному паркету комнаты, читая бумаги. Мне было жалко Влада. Игнорируя его любовь к острову и не щадя самолюбия, Анна останавливалась, прикрывала глаза, словно ей становилось дурно от прочитанного, и медленно покачивала головой. Вряд ли такая реакция означала восторг. Влад все видел, хотя с сосредоточенностью хирурга распутывал головоломный узел на шнурке и ни в какую не хотел спрашивать у Анны, что же ее так озадачило.

Торжественный ужин грозил перерасти в момент истины для козла отпущения, где главную роль надлежало исполнить Владу. Анна имела все основания взять на себя функции палача, ибо никто из нас не смог бы упрекнуть ее в том, что она машет кулаками после завершения драки. Ее не было с нами, когда Влад подписывал соглашение, заверял его у посла, а затем платил деньги. Она совершила классический женский маневр: дала возможность мужчине самостоятельно принять решение, чтобы затем разнести его в пух и прах. При этом она не несла ответственности и в то же время оставалась самой мудрой и прозорливой.

— Тебе подсунули залежалый товар, — говорила она монотонно, словно читала. — Это тот, который настолько долго пролежал на витрине, что превратился в муляж. Его пять раз возвращали обратно в магазин. Ты шестой, кто его купил. В Эквадоре по этому случаю наверняка объявлен национальный праздник. Народ ликует. Прими мои поздравления.

Влад не умел ругаться с Анной, как это умел делать я, и, не вникая особенно в смысл сказанного, просто слушал ее воркование, обращенное к нему, и воспринимал его с той тихой благодарностью, с какой воспринимал всякое проявление внимания девушки к себе.

В общем, Анна говорила умные вещи, которые не требовали детального доказательства, и быстро выдохлась, не встречая с нашей стороны сопротивления. Я помогал Владу накрывать стол. Низко пригнувшись, словно над нашими головами свистели пули, мы раскладывали по тарелкам пасьяне из нарезки карбоната, осетрины и шейки. Влад на нерв-

ной почве беспрестанно дегустировал еду, и я опасался, что на тарелках могут появиться большие проплешины.

Лучше бы Анна продолжала пилить нас, как сварливая жена с большим стажем. Вечер прошел при гробовом молчании. Мне было невыносимо смотреть на кислую физиономию Влада и на то, как запотевают бокал шампанского в пальцах Анны, и я предпочел общество неунывающего огня. Сидя на корточках перед камином, я орудовал кочергой, как сталевар на финале рекордной плавки.

Непонятно, из каких соображений Влад полагал, что ночевать в гостиницу поеду я, а он останется у Анны, в крайнем случае мы уедем оба. Но Анна проявила удивительную прямолинейность в этом вопросе и вежливо указала Владу на дверь, а мне — на ванную. У меня даже голова закружилась от осознания масштабов позора, который пришлось пережить моему другу. Покраснев до свекольного цвета, Влад вышел из квартиры не попрощавшись, крепко хлопнув за собой дверь. Я подумал о том, что Анна до гробовой доски останется его лютым врагом.

Мы с Анной всю ночь почти не сомкнули глаз, но об остrove никто из нас не сказал ни слова, хотя мысли о нем лезли мне в голову, как у голодного о полном холодильнике, и ореол таинственности Комайо притягивал со страшной силой, с легкостью подавляя страх потерять деньги.

Говорят, что женщина любит ушами. Вопреки этому мифу, Анна терпеть не могла каких-либо разговоров в постели. И наше молчание по инерции выплеснулось на утро. Как всякая манера поведения, обоюдное молчание имеет свойство прогрессировать, как болезнь. Мы в тишине пили кофе. Потом я брился, а Анна рисовала на своем лице тени, делая себя такой, какой хотела видеть, и от пронзительного звонка в дверь, как от дерзкого вмешательства в наш немой мир, мы оба вздрогнули.

Это был Влад. Он холодно кивнул Анне, угрюмо взглянул на меня и сказал:

— Поехали в посольство. Наш дилер загнулся.

Снег, забившийся в протекторы его подошв, таял и вытекал мутными струйками. Жесткий ковролин не впитывал воду, и та сворачивалась в шарики, напоминающие ртут-

ные. Вид у Влада был жалкий. Он чувствовал это и, как тигр в клетке, начал двигаться по коридору, оставляя повсюду мокроту.

Мы с Анной поняли лишь то, что было очевидно — Влад был очень несчастным. Я не стал выяснять, что мой друг имел в виду под словом «загнулся», и стал быстро одеваться. Остров стал для Влада материализованной мечтой, красивой сказкой, превратившейся в реальность, и он любил его настолько, что любая преграда на пути к нему делала его больным.

— Я жду в машине, — сказал Влад.

Ревнивцу легче видеть свою женщину в объятиях другого мужчины, чем то, как она вместе с ним выполняет обыкновенный утренний моцион, причесывается, красится, готовит ему кофе и яичницу, то есть ведет себя как жена, за плечами которой уже много лет супружеской жизни. Влад, добитый ревностью, перешагнул через порог и снова хлопнул дверью. Я не умел так тонко, как он, вызывать к себе жалость женщины, причем ненавязчиво до гениальности. Едва дверь за ним закрылась, Анна вскочила с пуфика, кинула кисточку на макияжный столик и сказала:

— Как долго ты возишься!

Я вышел на лестничную площадку с дубленкой под мышкой и в незашнурованных ботинках. Анна догнала меня у лифта.

— Не оставляй его, хорошо? — тихо попросила она, встала на цыпочки и поцеловала меня.

Я скользил вниз, трогая пальцами уголок губ, где остался поцелуй, и не знал, кому он был предназначен. Анна на этот счет ничего не сказала.

* * *

Посол принял нас в большом холле, залитом матовым светом, который просачивался через гармошки французских штор. Мы с ним виделись впервые, и, протянув мне тонкую и хрупкую руку, он тотчас переключился на Влада.

— Господин Уваров, — произнес посол по-испански, и переводчик, пристроившийся за его спиной, забормотал об-

русевшим эхом. — Вчера вечером случилось несчастье. Господин Гильермо погиб. Его машину в упор расстреляли из автоматов. Вместе с ним погибли его жена и пятилетняя дочь.

Мы стояли посреди большого холла. От окон тянуло мартовской сыростью. Эквадорцы источали запах горького хвойного одеколона. Смешиваясь со стерильным сквозняком, гуляющим под ногами, он напоминал атмосферу ритуального зала. Мне стало не по себе.

Влад, незнакомый с этикетом, не стал выражать соболезнования послу. Выслушав переводчика, он раскрыл папку и показал ему текст соглашения.

— Сегодня я должен был подписать с Гильермо договор о передаче мне в собственность земли...

— Я знаю, — перебил его посл. — К сожалению, особенности вашего города и обстоятельства, вызванные ими, не позволяют нам решать деловые вопросы на желаемом уровне.

Мои познания в испанском, ставшие скромными из-за отсутствия практики, позволяли лишь контролировать точность перевода. Переводчик, научившийся выражать мысли шефа витиевато и неконкретно, чересчур старался. Последняя фраза в устах посла прозвучала намного проще: «В вашем городе трудно решать деловые вопросы».

— Что значит не позволяют?! — начал заводится Влад. — Вы ответственное лицо или нет? Вот ваша виза! Вы поставили ее вчера утром! Верните деньги или подпишите договор!

Влад напрасно говорил с послом таким тоном. Он вообще зря чего-либо добивался после отказа. Слово «нет», произнесенное личностью такого уровня, как чрезвычайный и полномочный посл, во всяком случае, на ближайшие сутки оставалось неизблемым.

— Это невозможно. Я не уполномочен подписывать коммерческие договора.

Чувствуя, что посл вот-вот укажет нам на дверь, я спросил:

— Новый представитель «Эквадор-терра» скоро приедет в Москву?

Переводчик фривольно обошелся с моим вопросом. По-

испански он прозвучал так: «Кажется, «Эквадор-терра» вообще не собирается кого-нибудь сюда присылать?»

Посол ушел от прямого ответа как на мой вопрос, так и на вопрос в редакции переводчика. Он подумал, скользнул взглядом по луже, в которой стоял Влад, и ответил:

— Я посоветовал бы вам немедленно отправиться в Кито, в земельный департамент, и там решать вопрос с покупкой Комайо... Единственное, чем я могу вам помочь, — это немедленно открыть вам визу.

Он поклонился, шаркнул подошвой по полированному паркету и пошел в свои апартаменты. Переводчик указал нам на дверь секретариата.

— Заполните анкеты и отдадите свои паспорта, — сказал он.

Влад повернул ко мне лицо. Мой друг ожил. Его глаза сверкали авантюрным блеском.

— Звони Анне, — сказал он, — пусть немедленно летит сюда с паспортом. А мы с тобой рванем в авиакабину.

Потом он посмотрел под ноги и громко добавил:

— Нет, ты видел когда-нибудь, чтобы ботинки оставляли столько грязи?

Глава 4

Я выскакивал у каждой станции метро, мимо которых мы проезжали, и звонил Анне, но она не отвечала. Мало того, почему-то не срабатывал автоответчик. Влада это не сильно огорчало. Каждую мою неудачу он резюмировал расплывчатыми поговорками, вроде: «Что ни делается, то к лучшему», «От судьбы не уйдешь» или «На все воля божья». После того как я в четвертый или пятый раз кинул трубку на рычаг и вернулся в машину, он сказал:

— Поговори с ней. Может быть, она согласится дать нам деньги в долг.

Влад нашел выгоду из своего положения «третий лишний». Логика его была непрошибаемой: раз я с Анной сплю, значит, должен говорить с ней о неприятном. Впрочем, «о

неприятном» — мягко сказано. Влад хотел, чтобы я попросту послал Анну далеко-далеко. Он мог терпеть ее острый язык, ее прямолинейность и привычку называть вещи своими именами лишь тогда, когда чувствовал, что интересен ей как мужчина. Но в роли девушки друга она его не интересовала. Мало того, она его раздражала.

Сделать то, что предложил Влад, я не мог. Неопределенно пожав плечами, я положил на колени стопку свежих газет и сказал:

— Хватит гоняться за двумя зайцами. Едем за билетами, а потом разберемся с Анной.

Три газеты из тех пяти, которые я купил, дали информацию об убийстве Гильермо. Я читал вслух, а Влад слушал, хмурил брови и качал головой.

— Десятого марта около десяти часов вечера в собственном автомобиле был расстрелян сотрудник посольства Эквадора, официальный представитель фирмы «Эквадор-terra» господин Гильермо. Как сообщил пресс-секретарь посольства, господин Гильермо с женой и малолетней дочерью возвращался с загородной резиденции посла домой. Перед выездом на Новорязанское шоссе он остановился, пропуская встречный транспорт, и в этот момент по машине был открыт ураганный огонь из автоматического оружия. Преступники с места происшествия скрылись, не прикоснувшись к вещам убитых. Возбуждено уголовное дело».

— Через неделю выяснится, что Гильермо поставлял из Эквадора в Москву наркотики, — мрачным голосом заметил Влад.

— Очень может быть, — согласился я и раскрыл вторую газету. — «Гражданин Эквадора погиб при странных обстоятельствах. Дерзкое убийство совершено в подмосковном лесу вблизи поселка Малореченское. В собственном автомобиле почти в упор расстрелян представитель крупной землеторгующей фирмы господин Гиль... Гильермо». С ошибкой дали фамилию.

— Значит, все остальное — вранье, — предположил Влад.

— Читаю, — продолжал я. — «По имеющимся у нас сведениям, преступники действовали жестоко и с циниз-

мом. Сначала они убили жену и дочь бизнесмена, а затем заставили самого Гильермо выйти из машины, снять с себя пальто и пиджак. Обыскав одежду, убийцы поставили эквадорца на колени и короткой очередью выстрелили ему в затылок. Оставив автоматы на месте преступления, убийцы скрылись в лесу. По мнению некоторых компетентных источников, убийство было совершено по заказу латиноамериканской террористической организации, контролирующей контрабанду наркотиков в Карибском регионе.

— Какая газета? — спросил Влад.

— «Экстра-новости».

— Все ясно! — Влад скривил лицо. — Прочитал и забыл... Есть еще что-нибудь?

— Вот совсем короткая информация: «Гражданин Эквадора Гильермо был убит в минувший вторник в Подмосковье. В течение нескольких лет он использовал для контрабанды героина дипломатические каналы. Московские наркодельцы убили его за то, что он отказался выплачивать им дань».

— А это вообще бред! — не задумываясь, поставил клеймо Влад. — Никому верить нельзя!

— А сам ты что думаешь об этом? — спросил я, кидая газеты на заднее сиденье.

— Что я думаю? — повторил вопрос Влад. Он был готов критиковать прессу и высказывать свой скептицизм, но не строить гипотезы. — Ничего я не думаю. Мало ли какие причины были у убийцы грохнуть его? Первая: ограбить. Вторая: запугать правительство Эквадора. Третья: вынудить посла открыть визу беглому каторжнику. Четвертая: отомстить за поруганную честь женщины... Да я тебе сто причин назвать могу!

— А с покупкой нами острова ты это никак не связываешь?

— Что-о-о?! — протянул Влад и посмотрел на меня так, словно я сказал непозволительную глупость. — А при чем здесь наш остров?

Мы остановились на светофоре. У меня пропала охота говорить про остров и убийство Гильермо, потому что эти две очень смутные и расплывчатые субстанции в моем пони-

мании связывала лишь интуиция, а ее, как известно, другому человеку не объяснишь и не передашь.

В авиакассе нас огорошили неожиданной новостью: Аэрофлот не совершал регулярные рейсы в Кито. Остроумная кассирша предложила ближайšie к столице Эквадора города — Рио-де-Жанейро и Майами, удаленные от нашей конечной цели почти на пять тысяч километров.

Влад приуныл. Он просунул голову в кассовое окошко. Кассирше, должно быть, он напомнил грустного пса, и она стала разговаривать с ним ласково.

— Обратитесь в посольство Эквадора, может быть, у них намечается спецрейс, — посоветовала она.

Влад отрицательно покачал головой.

— Тогда подойдите к представителю колумбийской авиакомпании. Он организует коммерческие рейсы во все страны Южной Америки. Правда, вам придется арендовать весь самолет.

— Это дорого? — полюбопытствовал Влад.

— Дорого, — подтвердила кассирша и закрыла окошко табличкой «Обед».

Влад повернулся ко мне. Опять наш остров уплывал от нас, словно «Летучий голландец».

— Поехали в представительство колумбийской авиакомпании, — безрадостным голосом сказал он. — Будем арендовать самолет.

Я протянул Владу пухлую пачку долларов и свой паспорт.

— Что это значит? — спросил он.

— Это значит, что в представительство ты поедешь один, а я еду искать Анну. Не нравится мне ее телефон.

— Не забудь взять у нее в долг деньги! — напомнил Влад.

Мы договорились встретиться с ним в шесть часов вечера у посольства Эквадора, где нам должны были выдать загранпаспорта с визами.

* * *

У меня был ключ от квартиры Анны, но я им еще ни разу не воспользовался, предпочитая, чтобы хозяйка открывала мне дверь сама. Теперь пришлось сделать исключение.

Я еще раз позвонил в дверь, вытащил из кармана куртки ключ с брелоком в виде какого-то зверька, похожего то ли на обезьяну, то ли на худого медведя, вставил его в замок и провернул.

Дверь бесшумно отворилась, и мне в нос сразу жешибанул крепкий запах духов, слишком крепкий, чтобы на него можно было не обратить внимание. Я кинулся в прихожую, оттуда по коридору побежал в комнату и застыл в дверях.

Все, что можно было скинуть на пол и разломать, было скинуто и разломано. Стеллаж для книг лежал у меня под ногами, словно форма для лепки кирпичей; телевизор разинул черный зев, оскалив острые края разбитого кинескопа; платяной шкаф сложился, как картонный домик и представлял собой штабель полированных досок, между которых лежала одежда; от кровати остался один деревянный каркас, а матрас, выгнувшись дугой, стоял у стены; макияжный столик сверкал девственно-чистой поверхностью, все бутылочки с духами, коробочки, тюбики, раздавленные и разбитые, были раскиданы по полу; телефон с оборванными проводами валялся в камине.

Ожидая увидеть самое страшное, я медленно пошел по комнате. Пугаясь своего голоса, негромко позвал:

— Анна!

Кухня осталась в своем прежнем виде, даже чашка, из которой я утром пил кофе, все так же стояла на подоконнике.

Я заглянул в ванную и снова зашел в комнату. Под ногой хрустнула пластиковая коробочка. Я нагнулся и поднял с пола пудреницу, раскрыл ее и посмотрел в маленькое зеркало. На меня вылушился круглый, с расширенным зрачком глаз. Интересно, подумал я, а на месте ли мой чемодан с долларами?

Самое смешное занятие — искать деньги в квартире, где недавно произвели взлом и обыск. Тем не менее под платяным шкафом я нашел перевернутую кверху дном шкатулку из полированного камня. Приподнял ее, и на пол выпал тугой клубок спутанных золотых цепочек. Это показалось мне странным. Вор, если он был нормальным человеком, не стал бы скидывать с туалетного столика шкатулку с драгоценностями, а аккуратно затолкал бы ее себе в карман.

Потом я нашел песцовую шубу, авторскую копию «Девятого вала», купленную Анной у крымского частного коллекционера, томик стихов Пушкина, изданный при жизни поэта, — все то, ради чего по воровским меркам стоило подделывать ключ и вламываться в чужую квартиру.

Но не было главного: тайник, оборудованный за каминной трубой, оказался пуст. В нем мы хранили с Анной без малого миллион долларов — четыреста тысяч, принадлежащих мне, и пятьсот пятьдесят тысяч, принадлежащих Анне.

Я внимательно осмотрел нишу, маленькую дверку, открывающуюся на манер шторы, и, не найдя никаких следов взлома, поставил вытяжную трубу на прежнее место.

Потом сел на поверженный стеллаж и задумался. Нет, здесь орудовали не воры, для которых важно тихо и быстро взять самое ценное и незаметно уйти. Здесь безумствовали вандалы, которые даже не пытались что-либо искать. Они просто опрокидывали шкафы и стеллажи на пол, не разбирая вещей и не перетряхивая книги. Они сбрасывали на пол любые предметы, которые попадались им под руку — были ли это косметические наборы или же шкатулка с золотом. И что очевидно — они не добрались до тайника. Он был аккуратно вскрыт ключом, затем снова заперт и замаскирован вытяжной трубой. Ключи от тайника были только у меня и Анны.

«Ерунда какая-то!» — отмахнулся я от навязчивой мысли, которую стыдно было даже принимать во внимание, и все же она кружилась где-то по орбите сознания, заставляя считаться с собой. Анна могла устроить разгром в своей квартире, если бы только сошла с ума, подумал я. А зачем это делать умственно здоровой женщине? Чтобы симитировать ограбление...

Была бы возможность, я врезал бы себе кулаком по носу. Сколько в одном человеке «я», если один мозг допускает в свою обитель самые противоречивые и разнополярные мысли? Почему я, будучи стопроцентно уверенным в Анне, в ее безгрешности и бесконечной преданности мне, в то же время как бы невольно выдвинул версию об имитации ограбления? Значит, я строю версии, исходя из своих собст-

венных способностей? Значит, и я способен предать Анну и украсть ее деньги? Бред!

Понемногу успокаиваясь, я еще раз осмотрел комнату, но уже не широко раскрытыми глазами шокированного человека, а цепким взглядом криминалиста и сразу сделал несколько выводов. Во-первых, у меня уже не было сомнений в том, что обыска здесь не производили. Вещи, которые хранились в шкафах и стеллаже, лежали в естественных после падения мебели местах. Во-вторых, я не нашел следов борьбы и насилия: ни крови, ни рваной одежды, ни орудий убийства. И в-третьих: из комнаты исчезли, помимо долларов, только те вещи, которые представляли ценность лишь для Анны, — ее оба паспорта, сумочка с дорожным набором косметики, два чемодана из светло-коричневой кожи и, кажется, что-то из нательного белья.

Я присел у камина, достал из холодных углей базу радиотелефона с оборванными проводами и сдул с его корпуса пепел. Похоже, телефон уцелел, несмотря на грубое с ним обращение. Зубами я оголил концы проводов, скрутил их и подсоединил к розетке телефонной линии. Аппарат радостно отозвался протяжным гудком.

Я перемотал кассету записи сообщений и нажал кнопку «Воспроизведение».

— «Анюта, меня встретит Влад, но, если у тебя есть желание, можешь подъехать во Внуково...»

Это я звонил Анне три дня назад перед тем, как вылететь в Москву. Анна встретила меня вместе с Владом, и мы сразу поехали к ней. Слушаем дальше.

Низкий мужской голос:

— «Я по поводу покупки коттеджа. Если у вас есть что предложить в пределах ста пятидесяти тысяч долларов, то позвоните Игорю Вячеславовичу по телефону...»

И последнее сообщение. Опять мужской голос. Сильный акцент:

— «Я советую вам немедленно отказаться от ваших планов в отношении покупки земли и всяких деловых связей с земельным департаментом Эквадора. Считайте это предупреждение последним. В противном случае нам придется применить к вам жесткие меры». — Щелчок. Тишина.